

Отчасти перечисленные идеи и приемы, разбросанные по отдельным текстам, многие из которых полностью или частично утеряны, концентрируются во «Фрагментах системы» 1805-1806 гг., состоящей из Логике (утерянной), Философии Природы (над которой, как утверждают, Гегель работал на протяжении всей жизни и которой во многом обязан Шеллингу) и Философии Духа (с первыми утерянными страницами) [6, с. 38]. Философия Духа – наиболее интересующая нас часть – является истоком объяснения процесса будущей смерти Бога, что очень по-гегелевски, и не занимается апологией, обвинением или прояснением сущности того Бога, которого культура знала ранее. Приступая к анонсированной философии божественной действительности, Гегель растворяет её во всем: субъективном духе, рождении языка, государстве, гражданском обществе и многом другом, растворяет настолько искусно, что ближайшие комментаторы (например, К. Маркс, Л. Фейербах) Бога там не находят.

Таким образом, мы приходим к следующему. Проект молодого Гегеля по реформации прежней религии предполагал сперва формальные «шаги», заключающиеся лишь в корректировке христианской традиции, а после – «шаги» более глобальные, которые состояли в рассмотрении всех сторон божественной действительности, то есть в осознании и утверждении того, что Бог несводим к теологическому и околотеологическому его представлению, что Он неотделим от истории, физики, политики, антропологии и пр. Это и привело к тому, что западная философия, случавшаяся после Гегеля, элиминировала из своей истории божественный эпизод. Дело по устранению Бога из той проблематики, которой нужно заниматься в поле философии, начатое И. Кантом, Гегель завершил. Потому и был назван «последним христианским мыслителем» [7, с. 236].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайм Р. Гегель и его время / Рудольф Гайм ; [пер. с нем. П. Л. Соляникова]. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 392 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : [в 2-х т. ; т. 1] / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; составление, общая редакция и вступительная статья А. В. Гулыги]. – Москва : Мысль, 1970. – 668 с. – (Философское наследие).
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : [в 2-х т. ; т. 2] / Г. В. Ф. Гегель ; [пер. с нем.; составление, общая редакция и вступительная статья А. В. Гулыги]. – Москва : Мысль, 1971. – 630 с. – (Философское наследие).
4. Чижевский Д. И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 411 с.
5. Вейль Э. Гегель и государство. Пять докладов / Эрик Вейль ; [пер. с фр. Ю. В. Быстрова]. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2009. – 282 с.
6. The Cambridge Companion to Hegel / [edited by Frederick C. Beiser]. – Cambridge, United Kingdom : Cambridge University press, 1999. – 522 p.
7. Smith G. Between eternities: on the tradition of political philosophy, past, present and future / Gregory Bruce Smith. – Lanham, Maryland, USA : Lexington Books, 2008. – 668 p.

УДК 321 (075.8)

Шаповал Н. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ГАРМОНИЯ ВЛАСТНОГО И ПОДВЛАСТНОГО НАЧАЛ КАК ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН ПРИРОДЫ ПО АРИСТОТЕЛЮ

В статье исследуются взгляды Аристотеля относительно природы властных отношений, субъекта власти вообще и специфической природы государственной власти. Подробно рассматривается принцип властвования и подчинения в качестве общего исходного принципа человеческого взаимодействия, который имеет свои специфические конструктивные и деструктивные проявления в таких общениях, как семья и государство. Чем выше по своей структуре целое, тем сложнее система властно-подвластных отношений. Наиболее сложными они являются в тех целостных системах, где

субъекты и объекты властно-подвластных отношений свободные и мыслящие существа, которым не безразличен характер создаваемой социальной целостности.

Ключевые слова: властное начало, подвластное начало, семья, государство, властно-подвластный принцип, благо.

У статті досліджуються погляди Аристотеля щодо природи владних відносин, суб'єкта влади взагалі та специфічної природи державної влади. Детально розглядається принцип владарювання і підпорядкування як загальний вихідний принцип людської взаємодії, який має свої специфічні конструктивні та деструктивні прояви в таких спілкуваннях, як сім'я і держава. Чим вище за своєю структурою ціле, тим складніша система владно-підвладних відносин. Найбільш складними вони є в тих цілісних системах, де суб'єкти і об'єкти владно-підвладних відносин вільні та мислячі істоти, яким не байдужий характер соціальної цілісності, що створюється.

Ключові слова: владне начало, підвладне начало, сім'я, держава, владно-підвладний принцип, благо.

The article represents an investigation of Aristotle's views on the nature of power relations, the subject of power in general, and the specific nature of state power. Author analyzed the principle of domination and subordination as the general initial principle of human interaction, which has its own specific constructive and destructive manifestations in such communications as the family and the state. The higher structure of the integer has the more complex system of power-subordinate relations. They are the most complex in those holistic systems, where the subjects and the objects of power-dependent relationships are free and thinking beings who are not indifferent to the nature of the social integrity, which is created.

Keywords: imperious source, subordinate source, family, state, imperiously-subordinated principle, good.

Худшими временами считают времена коренных изменений, революций, когда устраняются действующие субъекты государственной власти, существующий государственный строй разрушается и, как следствие, наступает временное государственное безвластие – условие деградации, распада, разрушения общественного целого. Чем скорее появляются новые субъекты государственной власти – властвующие – и чем скорее они возобновляют государственный строй, тем быстрее начинает возрождаться общественная жизнь подвластных: развивается производство, растут рабочие места, повышается уровень жизни всех слоев населения. Однако, как показывает опыт, одни страны проходят путь обновления и стабилизации быстрее и с наименьшими потерями человеческих и материальных ресурсов, другие – наоборот, на протяжении десятков лет испытывают большие страдания: от нищеты большинства населения до потери независимости, суверенитета и территориальной целостности, вовлечения в военные конфликты и тому подобное. Таким образом, во времена коренных изменений в государстве судьба стабилизации общественной жизни существенно зависит от того, кто в изменившихся условиях становится новыми субъектами государственной власти – властвующим началом общества, и какие властные отношения ими будут реализованы.

С целью исследования природы властных отношений, субъекта власти вообще и специфической природы государственной власти, обратимся к Аристотелю – отцу европейского рационального мышления, философские размышления которого относительно устройства государственной власти и субъекта властвования актуальны и сегодня для тех обществ, которые стали на путь государственной трансформации. Актуальны они и для Украины, «перезагрузка власти» в которой стала восприниматься последние годы как панацея от всех бед. Однако процесс перманентных изменений субъектов государственного властвования порождает риск перерастания указанной перезагрузки власти в «дурную бесконечность» – перезагрузки ради перезагрузки, а также сведения её сути к простой замене одних властвующих субъектов другими. Качественной государственной трансформации на этом пути вряд ли можно добиться.

Наиболее известным трудом Аристотеля об интересующем нас вопросе является его «Политика». Поскольку конечным предметом нашего исследования является государственная власть и все, что с нею связано, в качестве отправной точки мы возьмем понятие «государство» Аристотеля. «Всякое государство, – отмечает мыслитель, – представляет своего рода общение», которое «организуется ради какого-либо блага» [1, с. 376]. В приведенном определении четко

выделяются три необходимые характеристики государства. Первая – *своеобразное общение* людей. Вторая – *организованность* этого общения. Третья – *благо, как цель* такого общения. Двигаясь по этим составляющими в обратном направлении, логично утверждать, что государство, по Аристотелю, – это благо, которое возникает в результате организации своеобразного общения людей. Таким образом, ядром государства, то есть тем, вокруг чего организуется специфическое общение людей, по замыслу Аристотеля, есть благо, благая жизнь субъектов общения. На этом он впоследствии постоянно акцентирует внимание, напоминая: «Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство <...> возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» [1, с. 378].

Рассмотрим эти составляющие компоненты государства более детально. В чем заключается своеобразие государственного общения? Свообразие, как объясняет Аристотель, состоит в том, что оно «является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения» [1, с. 376]. Продолжая мысль Аристотеля, можно отметить, что на звание самого важного общения, может претендовать лишь такое, с потерей которого, так сказать «автоматически», теряются в качестве важных и все остальные общения, поскольку их важность имеет бытие и смысл лишь при наличии того самого важного общения. Таким образом, наиболее важным является общение людей относительно того, что есть общепризнанно важным для всех субъектов общения. В его пределах люди только и способны цивилизованно, по-человечески, согласно определённым правилам реализовывать все свои другие важные общения, единичные и индивидуальные по своему характеру, не испытывая при этом притеснений, вреда, коварства со стороны других участников общений.

Второе своеобразие этих общений заключается в их организации, установлении специальных институтов. «Во всех людей, – говорит Аристотель, – природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо» [1, с. 379]. Это был первый субъект государственной власти, который смог организовать всех со всеми в одно сообщество, в одну целостность, имя которой государство.

Благо государственной организации заключается в установлении для всех сосуществующих необходимого, устойчивого, гарантированного положения, которое обеспечивает человеку свободное и безопасное функционирование в сообществе. Справедливая организация людей и её закрепление в обязательном для всех законе порождает то общее благо, ради достижения которого люди вступают в самое важное для них общение – политическое или государственное. Итак, развитые человеческие существа создают государства – цивилизованный, то есть справедливый способ общения.

Однако, отмечает Аристотель, оружие, которое природа дала человеку – его умственная и нравственная сила, может быть использовано и в обратном направлении. Человек, лишенный умственных и нравственных качеств, по мнению философа, оказывается самым низким и диким существом, способным совершать лишь несправедливость, как в общениях единичного характера, так и в деле организации государственного общения людей. Общее благо невозможно достичь посредством несправедливой организацией людей. Отсутствие общего блага свидетельствует об отсутствии государства – важнейшего для людей общения, в рамках которого только и обеспечивается цивилизованная, справедливая реализация всех других общений. Таким образом, круг замыкается. Цивилизованное сосуществование неизбежно скатывается в варварство, сквозь которое просвечивает животная природа стадности, при сохранении видимости государственности. И происходит это со всеми сообществами, где нарушается общий закон природы – гармония властного и подвластного начал.

Политическое общение людей с целью достижения общего блага базируется у Аристотеля на двух противоположных началах: властном, организующем начале и подвластном – начале, требующем организации. Наличие и необходимую связь этих начал Аристотель называет общим законом природы, которому подчинены все душевные существа, а также их объединения [1, с. 382].

Подобно тому как «живое существо состоит, прежде всего, из души и тела», где душа по своей природе – начало властвующее, а тело по своей природе – начало подвластное, так и общения людей (семья, селение, государство) основываются на присущих им властвующих и

подвластных началах, которые в своей совокупности и образуют разновидности властно-подвластных отношений.

Так, выделив в живом существе власть господскую и политическую, Аристотель поясняет: «Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями – как государственный муж. Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении» [1, с. 383].

Опираясь на властно-подвластный принцип устройства единичного человека, Аристотель утверждает, что и в человеческих сообществах, взаимодействиях единичных человеческих существ, одни существа являются «душой», другие – «телом», а потому первым естественно властвовать в них, вторым – подчиняться.

Какой же критерий использует Аристотель для различения тех, кто являются подвластными по природе и тех, кто по природе – властители?

«В целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению и поэтому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания является существом подвластным и рабствующим» [1, с. 377]. Как видим, Аристотель называет один единственный критерий различения – умственные свойства человека, делающие его способным или не способным к предвидению, то есть к целостному, стратегическому мышлению. А поскольку умственные свойства не даются в готовом виде, а требуют своего развития, то каждый есть тем, кем в состоянии себя создать и сохранять.

Учитывая этот аспект, Аристотель рассматривает понятия «раб» и «рабство» двояко: рабство по природе и рабство по закону. Последнее может иметь место в военное время, поясняет Аристотель свою мысль, когда захваченное становится собственностью победителя. Может случиться так, что человек, попавший в плен на войне, но не заслуживающий быть рабом в силу своих природных качеств, всё же становится таковым по закону. Однако это не является рабством в истинном смысле, утверждает Аристотель. Настоящий раб – тот, кто является рабом по природе, это «тот, кто по природе принадлежит не самому себе, а другому» и тот, «кто причастен рассудку в такой мере, что способен понимать его (господина. – Н. Ш.) приказания, но сам рассудком не обладает» [1, с. 382–383]. Поэтому «неизбежно приходится согласиться, что одни люди повсюду рабы, другие нигде таковыми не бывают [1, с. 385].

Итак, сущность власти вообще у Аристотеля кроется в развитых умственных способностях человека к предвидению конечного целостного результата своих действий, то есть в способности промыслить цель и модель ее достижения. Что касается отношений подчинения и властвования, то они являются внешним проявлением наличия естественной власти у одних и отсутствия ее у других. Принцип властвования и подчинения Аристотель считает общим исходным принципом человеческого взаимодействия, имеющим свои специфические конструктивные и деструктивные проявления в таких общениях, как семья и государство.

Первичным сообществом, согласно Аристотелю, является семья, в которой так же, как и в человеческом существе, имеют место различные виды властно-подвластных отношений. С целью лучшего познания государственного властно-подвластного общения, Аристотель обращается к тщательному рассмотрению семейного властно-подвластного общения, без которого невозможна семья как целое.

Семья – это общение, возникшее естественным путем между мужчиной и женщиной с целью оставления потомков и удовлетворения повседневных потребностей. Совершенная семья у Аристотеля состоит из двух элементов: рабов и свободных. Однако это еще не подвластное и властное начала. Свободные состоят из домохозяина, его жены и детей. Во всем же, что состоит из частей, связанных в одно целое, должны быть четко определены властвующее начало и начало подвластное, убежден Аристотель. «Где одна сторона властвует, а другая подчиняется, там только и может идти речь о какой-либо их работе», – объясняет необходимость такого разделения Аристотель [1, с. 382].

В семье властным началом и ее «душой» является мужчина. Его власть – власть домохозяина. Подвластным началом и, так сказать, «телом» семьи являются рабы, жена и дети. И хотя власть в семье реализуется одним субъектом – домохозяином, его власть не может быть одинаковой, считает Аристотель, поскольку «одна – власть над свободными по природе, другая – власть над рабами» [1, с. 386]. В конечном счете власть домохозяина у Аристотеля состоит из трех частей: власть господина над рабами, власть мужа над женой, власть отца над детьми.

Власть хозяина над рабами – власть приказная: «то, что раб должен уметь выполнять, то господин должен уметь приказывать» [1, с. 387]. Что касается остальных двух частей, то Аристотель отмечает: «Действительно, властвуют и над женой и над детьми как существами свободными, но осуществляется эта власть не одинаковым образом. Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля <...> Власть же отца над детьми может быть уподоблена власти царя: родитель властвует над детьми в силу своей любви к ним и вследствие того, что он старше их, а такой вид власти и есть именно царская власть» [1, с. 398]. Интересно замечание Аристотеля относительно природы царя: «Царь по природе должен отличаться от подданных, но быть одного с ними рода» [1, с. 398]. Отличаться по природе означает, что он должен быть властвующим началом в силу своей природы, то есть не через закон или насилие, а благодаря своим умственным свойствам быть способным к предвидению и, видимо, в первую очередь к предвидению последствий реализации своих управленческих замыслов. Что касается требования быть одного рода с подчинённым началом, то оно тоже имеет рациональное обоснование.

Если «царская» власть отца над детьми осуществляется через его любовь к детям, то они всегда могут рассчитывать на его милость, добросердечие, любящую справедливость, потому что они – свои. Царская власть чужака, варяга, может быть формально справедливой, но жестокой, потому что подвластные для него чужие. Вывод напрашивается один: царя следует «выращивать» или выбирать среди своих.

Показав взаимосвязь властного и подвластного начал в первичном сообществе – семье, Аристотель переходит к рассмотрению того, как действует властно-подвластный принцип в масштабах государственного общения.

В первую очередь философ проговаривает то, что не может рассматриваться в качестве цели, ради которой создаётся государство. Государство не возникает вследствие заключения договора в целях предотвращения вреда, который люди могут причинить друг другу или же ради удобств обмена товарами и услугами, а также не по причине проживания людей на одной территории. Все указанные признаки, по убеждению Аристотеля, являются необходимыми, однако недостаточными условиями для существования государства. «... Даже и при наличии их всех, вместе взятых, ещё не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования». И далее: «Целью государства является благая жизнь, и всё упомянутое создаётся ради этой цели; само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни» [1, с. 462].

Следующим признаком государственного общения является его организация, закрепляющаяся в соответственном государственном устройстве, то есть в установлении определенного порядка государственного управления. «Государственное устройство (*politeia*) – это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (*politeuma*), а последний и есть государственное устройство», – поясняет Аристотель. В отличие от семьи, где субъекты общения не равны, хотя дети и жена свободны, а рабы – нет, субъектами государственного общения являются свободные и равные граждане, каковыми Аристотель считал тех, «кто имеет или может иметь полномочия в деле попечения о государственных делах или единолично, или вместе с другими» [1, с. 454–455]. В силу этого первоначальная организация государства, замечает Аристотель, базировалась на естественном притязании граждан править по очереди, причем сама функция государственного управления рассматривалась как дополнительная нагрузка, повинность, которую следует временно исполнять наряду со своими индивидуальными делами. «Требовалось, чтобы государственные

повинности исполнялись поочередно, и каждый желал, чтобы подобно тому, как он сам, находясь ранее у власти, заботился о пользе другого, так и этот другой в свою очередь имел в виду его пользу» [1, с. 456].

Таким образом, первоначальное требование очередности в государственном управлении вытекало не из желания всех управлять, а наоборот, из желания упорядочить, распределить бремя управленческой повинности между всеми гражданами. Однако со временем ситуация меняется. «В настоящее время, – отмечает Аристотель, – из-за выгод, связанных с общественным делом и нахождением у власти, все желают непрерывно обладать ею» [1, с. 456]. Но личная выгода, получаемая от обладания всеобщей по характеру государственной властью, является злоупотреблением, независимо от того один пожизненно ею пользуется в своих интересах, меньшинство, большинство или даже все по очереди. Власть вообще, как и государственная власть в частности, не может быть источником личного обогащения, так как это противоречит ее природе. Такой отчасти может быть лишь господский вид власти – господина над рабствующим, «имеющая в виду главным образом пользу господина, для раба же она полезна приходящим образом» [1, с. 456]. Что же касается власти свободного над свободными, в семье – мужа и отца над женой и детьми, а в государстве – правителей и других должностных лиц над гражданами, то «имеется в виду либо благо подвластных, либо совместно благо обеих сторон, но по сути дела благо подвластных» [1, с. 456], отмечает Аристотель.

Подводя итог своим размышлениям над тем, каков может быть порядок государственного устройства и каким и почему он должен быть, Аристотель пишет: «Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных; они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей» [1, с. 456].

Далее Аристотель называет основные виды государственного устройства или порядка государственного управления. В зависимости от количества субъектов верховной власти – один, немногие и большинство – он соответственно выделяет монархическое правление, «имеющее в виду общую пользу, которое мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих <...> – аристократия; а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение <...> – полития» [1, с. 457]. Любое использование государственной власти не во благо подвластных есть отклонение: «от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет» [1, с. 457].

Причиной вышеуказанных отклонений Аристотель считает нравственную порчу правителей и должностных лиц, которая проявляется в использовании государственной власти в личных интересах. «Когда же, поддаваясь нравственной порче, – пишет Аристотель, – они стали обогащаться за счет общественного достояния, из политии естественным путем получились олигархии, ведь люди стали почитать богатство. А низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы <...> и установила демократию» [1, с. 479].

Но чем плохи богатые у власти и чем не угодило Аристотелю неимущее большинство у власти? Все дело в том, что гражданин, по убеждению Аристотеля, должен обладать не только способностью властвовать над свободными, но и подчиняться. Однако такой способностью не обладают ни сверхбогатые люди (первый тип), ни сверхбедные (второй тип). Это вытекает из того, что в силу сложившихся условий их жизни они утратили в себе гармонию властно-подвластных начал, присущих всему живому. Страсти в их душе господствуют над разумностью, а телесное начало над душою. «Люди первого типа, имея избыток благополучия, силы, богатства, дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах». Что до людей второго типа, то из-за крайней необеспеченности они прибывают в приниженном состоянии, которое порождает наглость и склонность к злодеяниям. В результате, как замечает Аристотель, «одни не способны властвовать и умеют подчиняться только той власти, которая проявляется у господ

над рабами; другие же не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умеют только так, как властвуют господа над рабами» [1, с. 507-508].

При таких субъектах власти «получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения» [1, с. 508]. Понятно, что такие чувства не способствуют гармонии властно-подвластных отношений, а других чувств на несправедливой основе быть не может.

Выход Аристотель видит в том, чтобы верховная власть в государстве принадлежала законам. «Правильное законодательство должно быть верховной властью, а должностные лица – будь это одно или несколько – должны иметь решающее значение только в тех случаях, когда законы не в состоянии дать точный ответ» [1, с. 467]. «Предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан», последних же следует назначать слугами и стражами закона [1, с. 481]. Закон – это воплощение разума, свободного от пристрастностей. Правитель, напротив, даже если он является наилучшим человеком в государстве, не лишён страстей, которые являются неизбежными проявлениями животного начала в человеке. Поэтому «ищущий справедливости ищет чего-то беспристрастного, а закон и есть это беспристрастное» [1, с. 482]. Что касается субъектов и объектов властвования, то Аристотель утверждает, что согласно справедливости необходимо, чтобы все равные властвовали и подчинялись в одинаковой мере: таким образом, что каждый из них поочерёдно будет то властвовать, то подчиняться [1, с. 481].

Законы всегда должны соответствовать наличному виду государственного устройства. Справедливыми законами, то есть такими, которые будут иметь в виду общую пользу, будут законы, соответствующие правильным видам государственного устройства, те же, что будут соответствовать их отклонениям – будут несправедливыми.

Подводя *итог*, отметим следующее: властно-подвластные отношения присущи всему, что состоит из частей. Чем выше по своей структуре целое, тем сложнее система властно-подвластных отношений. Наиболее сложными они являются в тех целостных системах, где субъекты и объекты властно-подвластных отношений свободные и мыслящие существа, которым не безразличен характер создаваемой социальной целостности: справедлива она или несправедлива. Закон гармонии властно-подвластных отношений, исследованный Аристотелем, может быть сформулирован в современных терминах таким образом: мера справедливости политического образования прямо пропорциональна степени разумности его правителей. Критерием справедливости есть не мнение властвующих о самих себе, а использование ими государственной власти на благо подвластных, то есть на создание и обеспечение всеобщего блага, каковым есть политические отношения, которые обеспечивают и защищают цивилизованные условия достижения индивидуальных благ каждым членом сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Политика / Аристотель ; [пер. с др.-греч. С. А. Жебелева, ред. А. И. Доватур] // Аристотель. Собрание сочинений : [в 4-х т. ; т. 4]. – М. : Мысль, 1983. – С. 375–644. – (Философское наследие).
2. Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве / С. Ф. Кечекьян. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1947. – 222 с.
3. Чанышев А. Н. Аристотель : [2-е изд., доп.] / А. Н. Чанышев. – М. : Мысль, 1987. – 221 с.